

Мустафа Тлили¹

НОВЫЙ ПОРЯДОК В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время средиземноморское пространство переживает потрясения, которых не испытывало после деколонизации. Народные революции в Тунисе и Египте уже свергли косные авторитарные режимы, которые десятилетиями господствовали там. Политические лидеры в Алжире и Ливии еще цепляются за власть, но и их режимы, вероятно, будут насильственно свергнуты.

Какую роль могла бы сыграть новая система управления в странах южного побережья Средиземного моря в деле выстраивания общего средиземноморского пространства, основанного на разделяемых всеми демократических ценностях и интересах? Какое стратегическое влияние может оказать такая ситуация на данный регион, Европу и остальной мир в эпоху глобализации?

Средиземноморское пространство сегодня — это «дом» для 475 млн человек: 272 млн европейцев, среди которых 20 млн европейских мусульман, и 200 млн не-европейцев — арабов и евреев. Учитывая недавно произошедшие события (ряд переворотов), вполне вероятно, что Союз для Средиземноморья (СДС) — региональная структура, учрежденная в 2008 году по инициативе президента Франции Саркози для укрепления сотрудничества между народами региона, — возродит историческое прошлое этого региона, бывшего колыбелью просвещения, толерантности и гуманизма, и предложит более перспективную модель сосуществования для этого мира, «искалеченного» отрицательными явлениями глобализации и постоянным страхом перед исламским фундаментализмом.

В числе соратников президента Саркози, стоявших у истоков новой инициативы, были два авторитарных государственных лидера — тунисский президент Зин Эль-Абидин Бен Али и египетский президент Хосни Мубарак. Но ни тот, ни другой не остались у власти, а вместе с ними было покончено с представлениями о международном диалоге как о явлении, основанном исключительно на межгосударственных отношениях, без существенного вклада гражданского общества. Каким образом в течение ближайшего времени можно будет заново выстроить средиземноморское пространство при участии и правительств, и гражданского общества?

В Европе вследствие возросший в последние годы напряженности из-за преувеличенного «мусульманского вопроса» возник соблазн забыть о том, что было время, когда ислам представлял собой неотъемлемую часть как европейской жизни, так и более толерантной и менее дискриминационной цивилизации, нежели та, что возникла на Западе после событий 11 сентября 2001 года.

¹ Основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета. Дипломат. Автор книг: «Le Bruit dort», «For Nelson Mandela», «La montagne du lion: roman», «Lion mountain», «La rage aux tripes: [roman]», «Un après-midi dans le désert: roman» и др. Член попечительского совета Фонда «Взаимодействие цивилизаций». Лауреат тунисской литературной премии Comar d'Or.

Сегодня, как и вчера, народы по обоим берегам Средиземного моря (мусульмане, христиане и иудеи), а также их лидеры имеют дело с одними и теми же геополитическими, демографическими и экономическими реалиями. Они должны решать вопросы, угрожающие их сосуществованию, с позиций исторической перспективы и помнить о том, что стигматизация, дискриминация и разделение — отнюдь не единственный путь данного региона.

Грустно наблюдать, как европейские лидеры порой занимают позицию, которая скорее соответствует частным, временным запросам избирательной политики, чем трудным, но многообещающим перспективам долговременного стратегического развития (в частности, речь идет о президенте Саркози).

Характеризуя положение ислама в Европе, французский президент, крестный отец проекта «Союз для Средиземноморья», 10 февраля 2011 года заявил, что политика мультикультурализма «провалилась», и добавил: «Истина в том, что во всех наших демократических начинаниях мы слишком озабочены идентичностью вновь прибывающих и слишком мало — идентичностью принимающей страны. Это поднимает проблему ислама и наших мусульманских соотечественников. Наши мусульманские соотечественники должны научиться жить и исповедовать свою религию так, как и все другие граждане... но это может быть только французский ислам, а не просто ислам во Франции»². Господин Саркози не дал определения «французского ислама».

По сути, замечания французского президента большинством были расценены как отголоски подобных высказываний, сделанных несколько ранее Марин Ле Пен, новым лидером крайней правой партии Франции — Национального фронта.

Более трезво оценивающие ситуацию люди неоднократно признавали, что с VIII по XV век мусульманская Испания, или Аль-Андалус, воспринималась в Европе не только как родина памятников культуры, положивших начало западному Возрождению, но и как вдохновляющая парадигма *convivencia*, совместного проживания, созданная коллективными усилиями мусульман, христиан и иудеев, — опыт, который мог бы служить моделью для любого современного воплощения европейско-средиземноморской интеграции.

Сегодня интеграция средиземноморского пространства в толерантное сообщество на благо мира и процветания всех его народов может иметь место, поскольку осуществлялась ранее и длилась на протяжении почти семи столетий. Подобное достижение в наше время позволило бы предложить миру альтернативу сомнительной модели экономической глобализации.

² Ruadhán Mac Cormac. Sarkozy denounces multiculturalism as 'a failure' // The Irish Times. 2011. 12 February. URL: <http://www.irishtimes.com/newspaper/world/2011/0212/1224289636274.html>

Союз для Средиземноморья — новая модель сотрудничества между 27 странами Европейского Союза и странами Южного Средиземноморья — на первом саммите в Париже (13 июля 2008 г.) принял декларацию, где в разделе, озаглавленном «Стратегическая цель для Средиземноморья», говорится: «Европа и страны Средиземноморья связаны общей историей, географией и культурой. Еще более важно то, что их объединяет общая цель — построить совместное будущее, в котором воцарятся мир, демократия, процветание, а также человеческое, социальное и культурное понимание. Для достижения этой общей цели участники согласились с тем, что необходимо с новыми силами продолжать поиски пути для мира и сотрудничества, изучать общие для них проблемы и претворять эти добрые намерения в действия на основе возобновленного партнерства на пути к прогрессу»¹.

При взгляде на Европу со стороны возникает образ континента, уходящего с мировой арены, который находится в конфликте как с самим собой, так и со своим прошлым. Хотя в реальности все не так просто. Можно сказать, что нынешняя Европа — это часть света, имеющая значительный потенциал, однако реализующая его при условии, что регион сосредоточит свои силы на развитии таких инициативах, как Союз для Средиземноморья — инициатива, при которой метафорическое понятие *convivencia* обретет свое подлинное существование.

Перед новой Европой стоит серьезная задача — найти ответ на вопрос, каким образом территорию Средиземноморья можно превратить в пространство, где царят разум, терпимость, прогресс и всеобщее процветание, как создать своего рода «украшение мира» (говоря словами Марии Розы Менюкаль, назвавшей так свою книгу, посвященную Аль-Андалусу²).

Безусловно, нелегким делом окажется создание новой средиземноморской *convivencia* (совместная жизнь), в которой 475 млн жителей Средиземноморья будут озадачены решением проблем, связанных с обеспечением мира и благополучия, безопасностью на море, энергетикой, транспортом, сельским хозяйством, градостроительством, защитой окружающей среды, информацией и коммуникациями, туризмом, здравоохранением, развитием человеческого потенциала, образованием и научными исследованиями, диалогом культур, правом и справедливостью, усилением роли женщин в обществе, миграцией, молодежью и т. д.

Развитию вышеперечисленных областей было уделено внимание в окончательном постановлении³, принятом странами — членами Союза для

Средиземноморья на форуме в Марселе, проходившем 3–4 ноября 2008 года, когда страны «стратегические цели для Средиземноморья» перевели в область практических действий.

Для правильной оценки шансов на успех обновленного Союза для Средиземноморья необходимо рассмотреть две важные особенности революций в Тунисе и Египте. В обоих случаях важную роль сыграли такие положительные явления глобализации, как цифровые технологии, в первую очередь социальные сети (например, Facebook, Twitter и YouTube). Кроме того, по мнению большинства, обе революции — и в Тунисе, и в Египте — носили преимущественно светский характер. Особенно ярко это проявилось в Тунисе вследствие наличия здесь обширного образованного среднего класса, а также благодаря его многовековому взаимодействию с Европой, начавшемуся еще во времена Просвещения⁴.

Широкое и эффективное использование социальных сетей в обеих странах продемонстрировало высокий уровень сетевых навыков и творческих способностей, присущих молодому поколению. Однако более важен очевидный факт — беспрецедентный уровень политической грамотности и активности этого поколения — тенденция, на которую первоначальным разработчиком программы Союза для Средиземноморья нужно обратить особое внимание при стратегических расчетах.

Проверкой успешности любой новой структуры, созданной для решения проблем в Средиземноморском регионе, станет то, в какой степени эта структура будет отвечать стремлениям и надеждам молодого, политически грамотного поколения, живущего по обоим берегам Средиземного моря.

Вполне возможно, что «цифровая демократия» — последний шанс избавления ее от апатичности, особенно в Европе, где традиционная политика утратила доверие граждан. Направляемая Facebook демократия более не является теоретическим вымыслом или иллюзией исследователя из цифровой лаборатории — тунисская и египетская революции доказали ее реальность. В эпоху глобализации это может стать поворотным моментом для целого мира.

По этим причинам новый Союз для Средиземноморья и выстраиваемое им средиземноморское пространство могут стать основой реализации новой морали, базирующейся на ценностях, которые мобилизовали молодежь Туниса, Египта, а именно: свобода, личная ответственность, открытость, толерантность, солидарность со слабыми и угнетенными, справедливость, равенство полов и другие основные демократические права и права человека.

И философы эпохи Просвещения, и Иммануил Кант одобрили бы моральные принципы, выраженные в сообщениях, наводнивших киберпространство во время тунисской революции. Нравственный

¹ Совместная декларация, принятая на саммите Союза для Средиземноморья (13 июля 2008 г., Париж). URL: <http://www.info-france-usa.org/spip.php?article1043>

² Menocal M. R. Ornament of the World: How Muslims, Jews and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain. N. Y., 2002.

³ Барселонский процесс : министерская конференция Союза для Средиземноморья (3–4 ноября 2008 г., Марсель). Окончательная декларация. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/103733.pdf

⁴ Tlili M. Whither Tunisia's 'Jasmine Revolution'? // Project Syndicate. 2011. 20 January. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/mtlilil/English>; Timpane J. Arab world shaken by power of Twitter and Facebook // Philadelphia Inquirer. 2011. 27 January. Pg. A01.

секуляризм в своем лучшем проявлении был широко представлен в Тунисе — от тесных улочек Сиди-Бузида до изысканной авеню Хабиб Бургиба. Отголоски обновленного ощущения принадлежности к одному человеческому роду и следования одним и тем же нравственным законам широко распространились по Средиземноморью, были подхвачены средиземноморскими европейцами, услышавшими в доносившихся с другого берега требованиях и ожиданиях эхо собственных несбывшихся надежд.

Сформировав новое чувство всеобщности демократических идеалов, Twitter, Facebook и другие цифровые платформы в большой степени компенсировали негативные аспекты глобализации (рост уровня проституции, терроризма, финансовых преступлений и других «болезней» общества), предложив форум для возникновения глобального нравственного сознания. В обозримом будущем этот форум приобретет значимость не только для революций в мусульманском мире, но и для социальных и политических изменений в Европе, находящейся в поиске своей души и новых форм совместной жизни.

В свете этой внушающей надежды тенденции следует ответить на вопрос: как долго Европа будет одержима идеей исламского фундаментализма? Сколько времени так называемый «мусульманский вопрос» может использоваться в качестве инструмента для подавления политических противников? Молодые европейские избиратели, которые сегодня уже кое-чему научились, вряд ли отнесутся благо-

склонно к такой оппортунистической тактике, особенно если демократический опыт в Тунисе и Египте успешно достигнет своей секулярной цели.

В этом случае можно представить ислам в Европе и как веру, которую каждый гражданин имеет право исповедовать в соответствии с принципами либеральной демократии, и как культуру и цивилизацию, «оплодотворявшую» Европу на протяжении более чем семи столетий, сформировавшую ее идентичность и направившую на путь модернизации. В действительности ислам мог бы стать мостом, соединяющим два берега Средиземного моря. Может быть, люди, которые сегодня в Тунисе, Египте (а завтра, может быть, в Алжире и Ливии) разгромили режим тиранов и вдохновили мир своей храбростью, защитят Европу и Запад от бича анахронического «исламского» политического терроризма.

Наконец, можно надеяться, что эти люди вместе со всеми гражданами средиземноморского пространства — мусульманами, христианами и иудеями — смогут найти новые решения многовекового конфликта на Ближнем Востоке и удивить мир справедливостью, нравственной целостностью и человеческим достоинством. Принадлежа к одной средиземноморской семье, они отвергнут экстремизм любого толка, а также «привычную политику», и предложат палестинцам и израильтянам панацею, к которой давно стремятся оба народа, но которую не смог предложить умирающий старый арабский порядок.